

Из литературы об ал-Идриси

O. J. TUULIO (TALLGREN).—*Du nouveau sur Idrisi*. Sections VII₃, VII₄, VII₅. *Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusqu'à la péninsule balkanique au Sud*. Edition critique, traduction, études. Helsinki, 1936. X+242 pp. 8°. С приложением 17 факсимиле из рукописей и 4 карт (Studia Orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica. № VI, 3).

Среди западноевропейских исследователей «монументального памятника географии» ал-Идриси (XII в.) в последние годы особо выделяются работы финляндского ученого O. Tuulio-Tallgren. В 1930 г. в работе «Idrisi. La Finlande et les autres pays baltiques orientaux (Géographie, VII₄)», им совместно с А. М. Tallgren были критически изданы, переведены и исследованы те места труда ал-Идриси, которые имеют отношение к Финляндии и другим восточнобалтийским странам, с приложением соответствующих факсимиле из всех известных рукописей ал-Идриси (Studia Orientalia, III). Позже, в 1934 г., на базе тех же арабских текстов, появилась его небольшая статья, озагла-

¹ М. Э. Воронец—Археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы в Узбекской ССР, СОНАТ, 1937, № 10—11.

вленная «Le géographe arabe Idrisi et la toponymie baltique de l'Allemagne» в «Annales Academiæ scientiarum fennicæ» (В. XXX₂), в которой автор опровергает некоторые выводы, к которым пришел другой идрисист, R. Ekblom, исследовавший тот же текст ал-Идриси. Наконец, в 1936 г. Tuulio вновь возвращается к тем же арабским текстам ал-Идриси (части 3, 4 и 5 VII климата), пересматривает некоторые выводы, сделанные им в работе 1930 г., с учетом соответствующего научного материала, ставшего ему известным после 1930 г. (две новые рукописи ал-Идриси), и на базе более углубленного и более широкого изучения данных текста приходит к новым заключениям. В сущности настоящая работа является полной переработкой его первой работы об ал-Идриси.

Глава I (стр. 1—43) содержит критический арабский текст в латинской транскрипции и параллельный французский перевод. В примечаниях даны варианты из всех известных рукописей, из которых лучшими, по словам автора, являются парижская и ленинградская (стр. 199, ср. стр. 214). Каждое географическое название снабжено особой нумерацией применительно к системе ал-Идриси. Известно, что весь труд ал-Идриси разделен на семь климатов, расположенных с юга на север, с 10 частями в каждом, расположенными в свою очередь с запада на восток. В настоящей работе автор рассматривает только три части из VII климата; города Дании, Норвегии, Швеции и побережье современной Германии (3-я часть VII климата); города Финляндии, Эстонии, маджусов (см. ниже), а также города России: Смоленск и Сновск (4-я часть VII климата); север России, бассейн верхнего Днепра и прибрежную полосу Кольского полуострова (5-я часть VII климата). Особо дан систематический анализ соответствующего картографического материала. Помимо «Книги Рожера», автор привлекает «Малого ал-Идриси» по дамаской и константинопольской рукописям, устанавливает критический текст, снабдив его переводом и вариантами (части 3—5 климата VII). Научно-критический перевод изданного текста может служить образцом с методологической стороны для последующих аналогичных работ. В процессе работы над текстом исследователю пришлось столкнуться с большими трудностями, особенно в чтении большого числа географических названий. Сопоставление хорошо известного специалистам французского перевода труда ал-Идриси, сделанного Jaubert'ом (1836—1840-е гг.), с переводом соответствующих глав в книге Tuulio, наглядно показывает громадное преимущество работы финляндского ученого (ср. стр. 216), у которого для большинства названий установленное чтение настолько обосновано, что им можно пользоваться без опасения впасть в грубую ошибку. Едва ли удалось бы автору этого достигнуть только путем глубокого проникновения в текстовый материал. Тут, как нам кажется, помимо глубокого знания вопроса, надо иметь еще особое чутье, проницательность филолога, которым автор несомненно обладает.

Глава II (стр. 44—62) посвящена «истории карты ал-Идриси для 3 и 4-й части VII климата»; иными словами, здесь автор изучает ал-Идриси, как картографа. Ученые, затрагивавшие до Tuulio вопрос о происхождении текста ал-Идриси (L e l e w e l, K. M i l l e r, E k b l o m), высказывали мнение, что карта ал-Идриси предшествовала компиляции текста; по мнению же автора, карта была составлена после текста; причем исследователь поясняет, что в данной работе речь идет только о карте для 3 и 4-й части VII климата. Рассмотрению выдвинутой гипотезы, в сущности говоря, и посвящена вся II и отчасти III глава настоящей работы. Вывод автора кратко сводится к следующему: компилятор устного текста опередил картографа, который работал для VII—3 и VII—4 только над проредактированным уже текстом (стр. 60), а самые чертежи карты ал-Идриси для VII—3 и VII—4 должны рассматриваться только как довольно старый опыт картографического перевода устного текста (стр. 61). Одним из самых существенных доводов в пользу этой гипотезы является тот факт, что не только ряд деталей, которые дает текст, отсутствует на карте (по гипотезе автора это вполне допустимо), но что в самом тексте, в том виде как он дошел до нас, нет никакого упо-

минания о карте (стр. 59). Нам кажется, что автору при рассмотрении своей гипотезы следовало бы обратить внимание еще на один факт. Ал-Идриси в своем введении (J a u b e r t, I, p. XX) определенно называет Птолемея как один из источников для короля Рожера, при дворе которого в Палермо (Сицилия) жил и работал ал-Идриси. По справедливому замечанию В. Минорского (BSOS, IX, I, 1937, p. 246), едва ли можно сомневаться в том, что здесь речь идет об арабской обработке Птолемея. По исследованию Н. v. Mzik, вышедшему в свет после работы Tuuljo (WZKM, Bd. 43, 1936, 161—193), труд ал-Хорезми «был источником ал-Идриси для Северной и Восточной Европы» (стр. 193). Однако, добавим мы, не исключена возможность, что ал-Идриси были известны и другие арабские обработки Птолемея, а также он мог быть знаком с так называемым «Атласом Ислама». Эти вопросы в книге Tuuljo совершенно не затронуты. Нам кажется, что установление степени зависимости труда ал-Идриси по крайней мере от труда ал-Хорезми должно было входить в задачу автора. Между тем, в настоящей работе мы этого не видим, хотя Mzik обратил внимание автора на труд ал-Хорезми (стр. 194). Правда, в заключительной главе сам автор признает, что он не мог углубиться в изучение письменных источников и мало знаком с трудом ал-Хорезми (ibid.); все же через ал-Идриси он приводит некоторые арабско-птолемеевские элементы в описании Северной и Восточной Европы (стр. 195).

В главе III (стр. 63—76), в свете указанной гипотезы, автор изучает генезис текста «Книги Рожера» и устанавливает новые подробности в этом вопросе. Заслуживает внимания теория Tuuljo о двух (в тексте и на карте один) городах: Кальмар (Кальмар в Швеции) и Калайнен (Каланти, Калаид в Финляндии), а также предложенное автором чтение Ruana (немецкое Rügen) вместо Zweda, т. е. Швеция (в рук. zwadh); Ruana идентифицируется с городом Аркона на острове Рюген (стр. 65—66, 103—104), с которым, в свою очередь, связывается местоположение Land Sönen (Лунд Сконе в Швеции; в ленинградской рукописи: Indšwdn), лежащего, как гласит текст, «против него (yuqābiluhā) в сторону севера» (стр. 10, 2). Против какого города? Путем скрупулезного изучения данного вопроса (стр. 66—72) автор приходит к выводу, что этим городом была Аркона. На карте № 2, приложенной к книге Tuuljo, действительно «линия север—юг» проходит как раз через Ruana—Land Sönen; из текста же трудно допустить, чтобы местоимение ha в слове yuqābiluhā относилось к городу Аркона.

Главу IV (стр. 77—189) автор озаглавил «Monographies toponymiques», в ней он подробно рассматривает географические названия, встречающиеся в тексте (см. гл. I). Путем тщательного изучения способа написания имен, форм букв и т. п. автор определяет произношение собственного имени и для большинства устанавливает местоположение географического объекта. Анализ географического материала произведен по тексту и картам «Книги Рожера» и «Малого ал-Идриси». Мы не имеем возможности входить в разбор всех «топонимических монографий», рассмотренных автором в настоящей главе. Однако нам представляется бесполезным остановиться на сведениях ал-Идриси о Восточной Европе в интерпретации Tuuljo уже по одному тому, что ученые обычно пользовались ими по переводу Jaubert'a, в котором собственные имена искажены до неузнаваемости. Между тем, финляндский ученый в заслугу ал-Идриси ставит его стремление к максимальной фонетической точности при записи названий местностей со слов передатчиков (стр. 200). Если ал-Идриси действительно умел прекрасно пользоваться рассказами своих передатчиков, стремясь даже воспроизвести все оттенки произношения того или иного собственного имени, насколько позволяла ему арабская фонетика, то там, где у него не было свидетельских показаний и он должен был для заполнения пробела обращаться к книжным или каким-либо другим источникам, наш автор, повидимому, чувствовал себя беспомощным и нередко пускался в область фантастики. Для описания стран Восточной Европы (судя по изданному тексту, сюда входили: Россия, страна маджусов и Комания; о них см. ниже) ал-Идриси, по его

собственному признанию, не мог пользоваться показаниями свидетелей или очевидцев [в тексте сказано: «никто не пришел к нам (подтвердить) правильность названий этих (областей)», стр. 28]. Это признание ал-Идриси приходится иметь в виду при рассмотрении его сведений о странах Восточной Европы.

О России ал-Идриси говорит, что ее «территории многочисленны в длину и ширину» (стр. 24); в другом месте (стр. 28) сказано: «Что же касается областей России, которые входят в эту часть (т. е. в 5-ю часть VII климата), то она (т. е. эта часть) содержит в себе незначительные области между горами, которые их окружают». Отдельно упоминается «страна маджус». Исследователь из данных текста заключает, что «страна маджус» простиралась до Карпатских гор на юго-западе и занимала территорию «государства древних варягов или шведских норманнов» (стр. 125—126, 207; ср. «Enc. de l'Islam», III, 101; напомним, что ал-Бекри, в изд. Розена, 45, называет бурджанов, т. е. дунайских болгар, «маджусами»). Местоположение соседней с Россией Комании, т. е. территории, занимаемой команами-печенегами, связывается у ал-Идриси с озером Тугамбе (стр. 28, 163, 195; у Jaubert'a: Termi); это имя, вероятнее всего, происходит от птолемеевской Τερμαβη, расположенной по соседству с Азовским морем (ср. у ал-Хорезми город ṭrmy); у ал-Идриси же такое имя носит озеро в бассейне Днепра. Наконец, в пределах современной России упоминается еще область Биарма (такое чтение принято издателем, стр. 170 сл.; у Jaubert'a: Nibarīa), лежащая, как показывает карта № 4, на крайнем северо-востоке. Несмотря на очевидное фонетическое сходство Биармы с Пермью (ср. Markwart, «Ungar. Jahrb.», IV, 1924, 323), автор исключает возможность такого отождествления и указывает, что Биарм(ия) известна по скандинавским сагам (ср. англо-саксонское Beormas и старо-норвежское Bjarmar у V. Thomse'n'a в «The Relations between Ancient Russia and Scandinavia», 1877, p. 31); так называлась, главным образом, прибрежная зона Белого моря, от Кольского полуострова и Кандалакши на западе до реки Мезень на востоке (стр. 173). Но, с другой стороны, как показывает текст (Jaubert, II, 396), Lelewel («Géographie du Moyen Age», Bruxelles, 1852, III, p. 191) имел причины искать Нибарию на Верхнем Дону (BSOS, IX, 248). В тексте «Малого ал-Идриси» упомянута еще «земля Субара или Сувара» (стр. 36, в дамаской рук.: swmarh; Tuulio читает Sèverie, стр. 147—148, а Jaubert: Sjewierz?; у Lelewel, III, 166 и Markwart'a Streifzüge, 196: Sambor), местоположение которой в тексте точно не указано. Там мы читаем: «от Сунбули (в дамаской рук.: smly), входящей в состав области Сувары, до Тирибувли (в дамаской рук.: syrmw (b? y)—100 миль» (стр. 36). Повидимому, издатель остановился на чтении Sèverie (Сувары) на основании разъяснений Markwart'a (см. Ungar. Jahrb., 1924, IV, 272). Фонетически возможно отождествить Сувары или Сувары (если принять чтение издателя) с Сувар—название города у волжских болгар «Enc. de l'Islam», I, 808), но географически такая идентификация невозможна, если в слове Сунбули, где були = греч. βουλις, видеть, как полагает Tuulio, город Сновск у Jaubert'a: Sermeli, Serboli, Sinoboli). Такого города теперь нет; может быть, ему соответствует Седнев, Сиднев на реке Снове, притоке Десны (стр. 166, прим. 1). Таково предположение Tuulio. Исследователь, вероятно, не знал, что река Сновь упоминается в летописи по Ипатьевскому списку под 1153 г., где сказано: «поиде чере(с) Сновь к Теребовлу» (в Галиции) (А. И. Соболевский—Русско-скифские этюды. Л., 1924, стр. 262, отд. отт.). Отсюда едва ли следует искать Сунбули (Сновск) в бассейне Десны. Любопытна одна подробность об этом городе, указанная ал-Идриси (стр. 24): «Сунбули на языке румийцев (греков) называется twya» (варианты: ṭwuyh, ṭwuh, wṭwuyh, ṭwbh; у Jaubert'a: Touia, Toula?). Других сведений о Сновске в данном тексте нет.

В интерпретированном тексте мы находим еще следующие города. Смоленск (в крит. тексте: Mūlīnišqa (№ 4'20 и 5'7); у Jaubert'a: Martori и Moun'chka; лучшие рукописи сходятся на чтении: mrtwry (№ 4'20) и mwnysqh (№ 5'7). Изучив палеогра-

фию этого слова и учитывая географическое положение города, исследователь считает возможным заключить, что *mrtwry* (№ 4'20) «представляет простую деформацию названия *mwnuṣqh* (№ 5'7)» (стр. 142). Отождествление *Mūliniṣqa* с *Μιλινίσκα* (так назван Смоленск у Константина Багрянородного) впервые было предложено Lelewel'em (III, 170). Теперь к этому присоединился Tuulio, который фonetически эту идентификацию объясняет так (стр. 167, прим. 1): Смоленск = **Μιλινίσκων* < ? *Μιλινίσκων* (ср. Стамбул = ? *τὴν πόλιν*). В тексте сказано, что «среди областей России есть город Смоленск (*Mūliniṣqa*); это—город, (расположенный) выше истока (алā махражд) реки Десны (в рук.: *dinst, dnst, dista*; у *Jauber'ta*: Днестр). От города Смоленска до города Сновска (крит. текст: *Sunūbuli*)—4 дня (пути) по направлению к югу» (стр. 24). Однако из другого места (стр. 48 внизу) можно заключить, что город расположен на Днепре (в парижск. рук.: *dnābrs*), верховье которого у ал-Идриси названо «Болотом» (в парижск. рук. *balts*; в крит. тексте: *blts*; в переводе: «*Boloto*»). О Новгороде (в парижской рук.: *ḡintyar*; в крит. изд.: *hulm(a)qār*, т. е. *Holmgār*; у *Jauber'ta*: *Djintiar*) мы читаем: «От города Кольвани (в парижск. рук.: *qluwriy*; в крит. изд.: *qulūwary*; у *Jauber'ta*: *Calowri*; Калывань—одно из древних названий города Таллина) по направлению к западу (? в парижск. и индийск. рук.: «к югу») до города *Hulm(a)qār*—7 дней (пути). Это—город большой, цветущий (*amiratun*), (лежащий) на высокой горе, восхождение на которую невозможно. Жители его укрепились в этом (городе) против ночных агрессоров (в тексте: *ḡurrāq*; еще *Quatremère* переводил это слово в значении «агрессор»; у *Tuulio*: *les (agresseurs) nocturnes*, стр. 23), (приходящих) из России. Этот город не подчиняется ни одному из царей» (стр. 22—24). Что здесь речь идет о Новгороде, в этом нет никакого сомнения. Рукописное название *ḡintyar* издатель восстанавливает в форме *hulm(a)qār*, *Holmgār*. Из этого еще не следует, что сведения об этом городе, как предполагает Tuulio (стр. 208), ал-Идриси мог получить только от шведского передатчика. Еще в 1913 г. Ф. А. Браун полагал, что нельзя считать *Hölmgardr* чисто-скандинавским названием; по мнению Брауна, вторая часть его—русское слово «город» в скандинавской передаче (ЗРАО, IX, 356—357). Позже этим же вопросом занялась Е. А. Рыдзевская (см. ее статью в ИРАИМК, II, 105—112), которая пришла к выводу, что и первая часть этого слова могла быть русского происхождения, соответствующая «Холму» Новгородских летописей. Название «Холм», как показано в этой статье, «относится к древнейшей части Новгорода, издавна знакомой скандинавам, хотя, по летописи, обозначает лишь ее юго-восточный участок» (стр. 110—111). Любопытно, что в скандинавских и немецких документах официального характера в XII—XIII вв., т. е. в эпоху ал-Идриси, уже не упоминается название *Holmgardr*, которое было заменено русским «Новгород» в латинизированной форме *Novogardia* в различных вариантах, но в скандинавских сагах и, быть может, в живой речи еще сохранялось прежнее название. Из сказанного можно сделать такой вывод: сведения о Новгороде (Холмгороде) ал-Идриси мог получить от лица (вероятнее всего, это был русский или шведский купец), хорошо знакомого с городом, который мог указать ал-Идриси на возвышенный и укрепленный юго-восточный его участок—«Холм», расположенный на Торговой Стороне города. Повидимому, только так следует понимать выражение ал-Идриси: «на высокой горе, восхождение на которую невозможно (для нападающих)». Имеющееся на картах ал-Идриси выражение *paḡr brlgw* издатель интерпретирует как «река Волхов» (у *Miileg'a* и *Ekblo m: Narvaj'gi*). Новгород же на тех же картах помещен слишком далеко на запад от реки. Это отклонение издатель склонен объяснить «редакционным затруднением, которое испытывал ал-Идриси картограф» (стр. 168). В «Малом ал-Идриси» встречается название, в котором издатель как будто хочет видеть повторение имени Новгорода (?) (у *Miileg'a*: *Nūgrāda*). В тексте только сказано: «от Нуграда (в крит. тексте: *Nūgrāda*; в рук.: (b?) *whrawh* и (b?) *wgradh*) до Онеги (в крит. тексте: *Unnāga*; в рук.: *al ādh*; у *Miileg'a*: *Algāda*; такое же чтение на карте) один день (пути)» (стр. 42).

На стр. 188—189 исследователь отвергает гипотезу, предложенную Miller'ом и Ekblot'ом об отождествлении būgrāda-nūgrāda с Новгородом, а в § 31 заключительной V главы (стр. 212) он предположительно признает эту идентификацию (ср. стр. 208). Если в слове *алгада* следует видеть Онегу, что, по Tuulio, фонетически возможно, то расстояние, указанное между Новгородом (?) и Онегой, заставляет в этом усомниться. Рызевская в своей статье (стр. 109) приводит из «Повести временных лет», изд. А. А. Шахматова, такое выражение: «прозвася Русская земля Новгород», а в немецких и шведских памятниках на латинском языке с XII в. (время жизни ал-Идриси) вся территория Великого Новгорода обозначается названием Nogardia, которое, по нашему мнению, вполне соответствует Nūgrāda ал-Идриси.

К числу невыясненных пока вопросов следует отнести вопрос о том, упоминается ли в нашем тексте Киев, или нет. На стр. 22 мы читаем: «Среди областей маджусов, которые удалены от моря, есть город Қайну (в парижск. рук.: qābu; у Jauber't'a: Cabi); между ним и морем 6 переходов (в тексте: sittu marāḥila). От города же Қайну до города Колывани (см. выше)—4 дня (пути)». Здесь в слове Қайну исследователь предположительно хочет видеть Киев (стр. 135). Итак, по тексту выходит, что Киев (?) находился в стране маджусов (о них см. выше), в 6 переходах от моря (вероятно, Черного) и в 4 днях пути от Колывани (=Таллин). Расстояние, указанное от Киева до Таллина, говорит как будто против отождествления Қайну с Киевом. Но, с другой стороны, здесь возможно предположить ошибку переписчика. Если здесь действительно речь идет о Киеве, то рукописное его название qābu можно с таким же правом отождествлять, например, с Chive Адама Бременского (XI в.), с каким Tuulio идентифицирует его со скандинавским Koenigagug. Название Chive в различных вариантах было более распространенным у западноевропейских писателей XI—XII вв., чем его древнесеверная форма (ИРАИМК, II, 109). Наряду с гипотезой Қайну-Киев, издатель предложил и другое толкование данного названия. В слове Қайну он предлагает видеть средневековое Каипци (шведское Qvenland); так называлась приморская область, окаймленная Ботническим заливом (стр. 138, прим. 1), а в определении расстояния Қайну от Таллина Tuulio видит ошибку передатчика: вместо 4 дней надо читать 14 (стр. 139). Сам исследователь, повидимому, склонен скорее признать первую гипотезу (см. стр. 211—212). Если в тексте, как его интерпретирует издатель, встречается Онега, то не будет неожиданностью видеть в выражении «bbr Qima» (так в крит. тексте, стр. 12), т. е. «бобер Кимы», город Кемь на западном берегу Белого моря (стр. 106—107).

Среди местностей России, местоположение которых исследователем не могло быть ближайшим образом определено, встречается название Лука (стр. 42; в рукописях: l'wkh, а на карте: bwkh). Судя по карте, это один из городов области Биарма. Контекст показывает, что эта местность связана с Волгой (в рук.: mwlgh и b(?)wlgh, стр. 42). На этом основании исследователь полагает, что здесь речь может идти о «группе названий местностей более или менее одноименных» (стр. 175), которые были расположены в районе верхней Волги, к югу от Осташкова (Вселуг, Луги, Лучанье, Великие Луки, Лужково, Луковниково, Залучье). По справедливому замечанию автора, в слове b(?)wlgh = Būlga следует видеть только верхнюю Волгу, так как нижняя Волга вместе с Камой у ал-Идриси называется Итилем (стр. 188). В районе Биармы (см. карту № 17) упоминается еще местность, которую издатель читает Ust(a)ruqarda (стр. 42; в рук.: ustrqwmh, ustrqwḥ; у I. e l l e w e l'я и M i l l e r'a: Temnikow, у T u u l i o: Ostrogard(?), стр. 176) и которая ближайшим образом им не идентифицируется. Если признать чтение, принятое издателем, правильным, то можно Ostrogard ал-Идриси отождествить с Ostrogard'ом Адама Бременского, у которого сказано, что от города Юмны 40 дней плавания до Ostrogard'a, а в другом месте говорится, что, по словам датских моряков, из Дании можно в один месяц достичь Ostrogard'a. Схолиаст Адама пишет, что «Ruzzia vocatur a barbaris Danis Ostrogard» (ИРАИМК, 107). Если, как ука-

зано выше, вся территория Великого Новгорода с XII в. обозначалась названием *Noga-rjā* (= *Nūgrāda* ал-Идриси), то с таким же правом можно признать, что название *Ostrogard*, как географический термин, применялось в широком смысле слова к областям, расположенным к востоку и к юго-востоку от скандинавских стран. Едва ли в слове *Ostrogard* Адама следует видеть Новгород, как полагал *Mikkola* (*ibid.*, 106). Загадочным остается и город, название которого издатель читает *mdswnh* (у *Jaubert'a*: *Madsouna*; у *Lelewe'l'a*: *Mesothen en Kourlande, aujourd'hui Mittau*) и о котором говорится, как «о большом, важном, цветущем и очень населенном, жители которого маджусы-огнепоклонники» (стр. 22). Едва ли можно считать удачным даже предположительное отождествление этого большого города с городом Олонцем, предложенное (под знаком вопроса) у *Tuulio* (стр. 133). Нельзя не присоединиться к пожеланию исследователя, чтобы этим вопросом занялись историки и нордисты (стр. 134). В слове *brwuyh* или *brwuyh* (стр. 43), т. е. *Varūna, Vigauna*, издатель хочет видеть *mrwmh-Murūma* — название финского племени Муром или города Мурома на Оке (стр. 176—177, у *Lelewe'l'a*: *Iarovna, Saransk*). Едва ли *bwsdh, nwsydh* (стр. 42, на карте: *brwuydh*) можно идентифицировать с угра или югра — название северной народности (стр. 177, у *Millerg'a*: *Būnīda*). Из названий местностей, которые находились на территории России и которые остаются неизвестными, отметим следующие: 1) *zāna, zāla* или **yāna*(?); по *Tuulio*, это может быть Ямполь (?) < *yān + πόλις* (стр. 36, 151—152; у *Jaubert'a*: *Zaca, Zala, Zana*); 2) *sāska, sāska* или **yāska*; по *Tuulio*, это, возможно, Ясека(?) местечко у устья Днестра (стр. 36, 156—157, у *Jaubert'a*: *Saska*); 3) *sqāy* или *mqlay* (стр. 36); не исключена возможность, что это есть *šyqlawš*, в котором Томашек признавал венгерский город *Siklós* (стр. 150—151); 4) *kl. mwly* упоминается только в дамасской рукописи в пределах России, где «*mwly*» могло быть видоизмененное *-būli* (*πόλις*) (стр. 36, 157); 5) *sklāsy, sklāhy, sklāhy* (ср. стр. 185; у *Jaubert'a*: *Seklahi*). Кроме того, на карте «Малого ал-Идриси» (см. карту № 17) остаются неразгаданными следующие собственные имена: *wpnān, lwmy, twmā* и *urspug* или *supg* — место на крайнем востоке 5-й части VII климата. Может быть, в этом последнем имени следует видеть сбир-Сибирь? Наличие этого географического термина у ал-Идриси представляло бы большой интерес, так как у других арабских географов название «Сибирь» встречается только с XIII в. (см. *Magkwaht, «Ungar. Jahrb.»*, 1924, IV, 273).

Итак, целый ряд собственных имен не мог быть дешифрован исследователем, несмотря на то, что им были привлечены и тщательно изучены все известные до сих пор рукописи труда ал-Идриси. В этом, конечно, не вина автора, который очень внимательно отнесся к своей задаче. Единственное замечание, которое приходится здесь сделать, — это полное игнорирование им трудов классической школы арабских географов в процессе работы над текстом ал-Идриси. Мы не беремся судить, насколько сведения арабских географов могли бы оказать пользу исследователю для установления произношения того или иного неясного географического названия и идентификации его с современными данными (вопрос этот требует специальной подготовки), но, с другой стороны, мы не мыслим работу над критикой текста без привлечения других аналогичных трудов в качестве сравнительного материала. На основании изучения текста автор заключает, что передатчик или передатчики сведений о России хорошо знали бассейн верхнего Днепра и водный торговый путь, проходивший отсюда далее на север. Отмечается, что ни в одном из опубликованных автором текстов нет полного описания большого водного пути с берегов Днепра до крайнего севера, а в каждой части VII климата отдельно даны различные этапы этого водного маршрута. Вообще не все места текста, касающегося описания России, достаточно ясны. Тут еще возникает ряд вопросов, которые, вероятно, могут быть выяснены, когда будет критически издан весь текст ал-Идриси (см. стр. 211—212). Помимо России, в нашем тексте сообщаются сведения, неодинаковой, правда, ценности, о городах и областях, входящих ныне в пределы Болгарии, Венгрии, Германии, Дании,

Литвы, Норвегии, Польши, Румынии, Швеции и Эстонии. Рассмотрение их не входит в задачу настоящей рецензии.

В последней, V главе (стр. 190—217) автор подводит итоги своей исследовательской работы над изданным им текстом ал-Идриси. Главные выводы автора (некоторые уже упомянуты выше) сводятся кратко к следующему. Главы труда ал-Идриси, рассмотренные в настоящей работе, целиком или частично, основаны на документальных данных, полученных от передатчиков из первых рук. При этом автор утверждает, что эти передатчики (вероятно, преимущественно купцы), давая свои показания в Палермо, должны были быть людьми добросовестными и точными в передаче своих сведений. Что касается известий, заимствованных из географических трудов, стало быть, без посредничества каких-либо передатчиков, то только 5-я часть VII климата может входить в расчет. К сожалению, как нами уже отмечено выше, вопрос о степени зависимости ал-Идриси от источников, о которых он сам говорит, в книге Tuulio совершенно не освещен. Указывается, что ал-Идриси, как секретарь и редактор, не проявлял достаточной заботы к своим материалам и неравномерно использовал в редакционном отношении некоторые элементы информации, полученной из первых рук.

В заключение автор отмечает те затруднения, которые ему приходилось испытывать в процессе работы над критикой текста ал-Идриси: частые разногласия между текстом и картами, между отдельными рукописями при установлении, если возможно, исправлении ошибок и в первую очередь в собственных именах. По мнению исследователя, эти ошибки уже были сделаны лицами, переписывавшими текст набело с черновиков ал-Идриси, которые до нас не дошли. Автор считает нужным заметить, что та небольшая часть текста, которая им издана и переведена, довольно резко отличается от соответствующих страниц Jaubert'a и других идрисистов, включая Nöldeke. После перевода Jaubert'a (1840 г.) трудом ал-Идриси (речь идет о 3—5 частях VII климата) занимались многие ученые (Nöldeke, Lagus, K. Miller, Seirpel, Ekblo m), для которых чаще всего простое единогласие рукописей служило мерилом для окончательного установления текста и топонимических подробностей. Tuulio этим не ограничивается. Он тщательно изучает генезис труда ал-Идриси и приходит к определенным выводам (см. гл. II). При установлении чтения собственных имен ему помогли не только его знание Прибалтийских стран и острое чутье филолога, но и хорошее знакомство с арабской палеографией, которой он, первый из идрисистов, широко пользуется. Работа Tuulio, по сравнению с аналогичными работами его предшественников, представляет значительный шаг вперед в деле изучения ал-Идриси. Нам остается лишь пожелать, чтобы метод, которым пользовался Tuulio, послужил образцом для научно-критического исследования остальных глав этого «могучего памятника географии» (выражение И. Ю. Крачковского) XII в.

И. Умняков